

ГОЛОС, ЧТО ПОЁТ ВО ТЬМЕ

Тея Торн

18+

Teya Thorn

Голос, что поёт во тьме

«Автор»

2026

Thorn T.

Голос, что поёт во тьме / Т. Thorn — «Автор», 2026

Люди называют его Небесным Даром. Эльфы - Сердцем Бездны. Метеорит, упавший сто лет назад, дал человечеству победу в войне. Но победа принесла с собой Искажение - заразу, что меняет плоть, и ни один целитель не знает, как его остановить. Заражённых заперли в Пределе, и с тех пор ордена изучают болезнь, чтобы не дать ей вырваться наружу. Эвелин - целительница Ордена Белой Лилии. Её работа - входить в Предел, наблюдать за больными и искать способ замедлить Искажение. Но там, за барьером, она делает то, чего не требуют отчёты: поёт. Песню из детства, которую помнит обрывками, которую пела мать. И больные затихают. Одна фраза, брошенная эльфом перед смертью, заставит её усомниться во всём: в Ордене, в своём прошлом, в голосе, который, кажется, знает больше неё самой. Потому что Небесный Дар был не даром. Это был сигнал. И ад уже ответил.

© Thorn T., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Teya Thorn

Голос, что поёт во тьме

Пролог

Лес, в котором они жили, не пугал. Он не был ни дремучим, ни тёмным. Сосны здесь росли вперемешку с рябинами и орешником, а тропинки, протоптанные животными, петляли между замшелыми валунами так прихотливо, что казалось - сам лес играет с тобой в прятки. Утренний свет, пробиваясь сквозь листву, рассыпался по траве золотой рябью, и в этой ряби даже старый трухлявый пенёк выглядел как домик лесного народца из маминых сказок.

Мать часто рассказывала ей про лесной народец - маленьких существ, что живут под корнями и в дуплах старых деревьев. Они не показываются людям, но если вести себя тихо и с добром, можно услышать, как они смеются тоненькими голосами в зарослях орешника. Девочка верила, что однажды обязательно их увидит. Мать не разубеждала - только улыбалась и гладила её по голове.

Девочка обожала этот лес. Каждое утро она выбегала за порог и шла босиком по влажной от росы траве, а лес встречал её запахом хвои, мятой и чем-то сладким - может, земляникой, может, медуницей. Она знала здесь каждое дерево. Вот у этого дуба кора похожа на морщины старого великана. Вот здесь, в развилке ветвей, живёт сова, которую девочка ни разу не видела, но слышала по ночам. А вон там, за ручьём, начинается малинник - летом мать брала её с собой, и они собирали ягоды в плетёную корзину, пока пальцы не становились липкими и алыми.

Дом их стоял не на опушке - он прятался в самом сердце этого леса, на небольшой поляне, куда не вела ни одна дорога. Деревня была далеко, дальше, чем девочка могла пройти без усталости, и люди оттуда заглядывали редко. Разве что за травами или за какой-нибудь поделкой, что мастерил отец. Чужие здесь не ходили. И это было хорошо.

Дом был деревянный, сложенный из потемневших от времени брёвен, с высокой крышей, поросшей мхом. Ставни мать выкрасила в голубой - цвет неба, говорила она, чтобы дом всегда был немножко в лете. Вдоль стен росли кусты шиповника, а у крыльца стояла старая скамья, на которой девочка любила сидеть вечерами, прижавшись к матери и глядя, как гаснет закат. Внутри было тесно, но уютно. В углу - большая печь, которую мать белила каждую весну. На полках - глиняная посуда, пучки сушёных трав под потолком, книги с пожелтевшими страницами. Полы мать застилала домоткаными половиками в синюю и красную полоску. Пахло здесь всегда чем-то тёплым: то ли хлебом, то ли мятой, то ли печёными яблоками. Сегодня пахло яблоками.

Девочка сидела на скамье у окна и смотрела, как мать колдует у печи. Та была ещё молода и красива - светлые волосы собраны в низкий пучок, несколько прядей выбились и вились у висков. Двигалась она мягко, плавно, и девочке казалось, что мать не ходит, а танцует. Даже когда просто мешает кашу.

- Ну что, маленькая, - обернулась мать, и в её серых глазах заплескались искорки. - Готова?

Девочка кивнула и спрыгнула со скамьи. Это был их ежедневный ритуал. Она усаживалась на низкую табуретку у печи, а мать брала деревянный гребень. Первое прикосновение всегда было осторожным: пальцы пробегали по прядям, распутывая ночные колтуны. Девочка замирала, как котёнок, которому чешут за ухом.

- Сегодня длинную песню или короткую? - спрашивала мать.

- Длинную!

Мать начинала петь. Голос её был негромким, но чистым, как лесной ручей. Он поднимался под потолок, плыл над половиками, вытекал в приоткрытое окно.

Песня была на языке, которого девочка не понимала, но это было и не важно. Она знала, о чём поёт мать: о древних временах, когда леса были выше, а звёзды ближе, о героях, что умели говорить с ветром, и о женщине, что полюбила врага.

Девочка закрыла глаза. Материнские пальцы двигались в такт мелодии - прядь за прядью, волна за волной. Гребень постукивал, как сердце. Коса рождалась тугая, красивая, перевитая синей лентой.

- Готово, - сказала мать, завязывая бант. - Красавица.

Девочка обернулась и обняла её - крепко, всем своим маленьким телом.

- Люблю тебя, - прошептала она.

- И я тебя, моя звёздочка.

День прошёл, как проходили все их дни. Они вместе собирали травы на дальнем лугу - арнику, лунницу, серебристую полынь. Мать рассказывала, какая трава от какой хвори помогает, а девочка запоминала. Вечером мать плела венок из одуванчиков, а девочка примеряла его и кружилась, пока голова не начинала кружиться.

Они не знали, что это последний такой день.

Утро началось как обычно. Солнце только-только поднялось над верхушками сосен, трава серебрилась росой. Девочка возилась у кустов шиповника, рассматривая, как муравей тащит соломинку, и напевала под нос обрывки вчерашней песни.

- Пора кушать! - позвала мать с крыльца. - И косу заплетём.

Девочка поспешила к дому. У крыльца мать нагнулась, отряхнула её босые ступни от травы, чмокнула в макушку.

- Ну вот, опять босиком выбежала, небось в муравейник влезла?

- Нет! Я смотрела просто...

- Ладно, верю. Садись.

Она снова взяла гребень. Снова запела. Но сегодня мелодия была другой - мягче, медленнее, с какой-то щемящей нотой. Словно мать что-то предчувствовала.

Девочка этого не заметила.

Топот копыт они слышали одновременно. Мать замолчала на полуслове. Рука с гребнем замерла в воздухе, а потом медленно опустилась.

Девочка обернулась: лицо матери изменилось. Искорки в глазах погасли. Рот сжался в тонкую линию.

- Что там, мам?

- Тихо.

Мать встала. Подошла к окну, чуть отодвинула занавеску. Девочка увидела, как побелели её пальцы, вцепившиеся в ткань.

- Слушай меня внимательно, - голос матери стал чужим: низким, быстрым. - Сейчас ты пойдёшь со мной.

Она схватила девочку за руку и потянула в угол комнаты, туда, где стоял ларь с мукой. Отодвинула его - не до конца, только чтобы открылась неприметная дверца в полу. Тайник. Девочка знала о нём, но никогда туда не залезала.

- Сиди здесь. Что бы ты ни услышала - не вылезай. Пока я сама не приду. Кинжал возьми с собой. - сказала она, и быстро вручила его ей.

- Но я...

- Слышишь меня? - мать присела перед ней на корточки, заглянула в глаза. Взгляд её был твёрдым, но в самой глубине плескался страх. - Обещай.

- Обещаю.

Мать поцеловала её в лоб - быстро, сухо - и закрыла дверцу. Ларь встал на место. Свет исчез. Девочка осталась в темноте. Она слышала, как мать выпрямилась. Как одёрнула платье.

Как шагнула к двери - шаги ровные, но слишком медленные для той, что минуту назад пела песню.

Дверь отворилась. На пороге стоял он. Высокий, в плаще цвета запёкшейся крови, расшитом серебряной нитью по вороту. Годы выбелили виски, заострили скулы, но не сгорбили - он держался прямо, как клинок, вогнанный в землю. За его спиной переступали с ноги на ногу всадники, фыркали кони, позвякивала сбруя.

За спиной короля, на шаг позади, стояла женщина в тёмном платье послушницы. Она не была красива, но лицо её трудно было забыть: острое, с резкими скулами и тонкими губами, которые, казалось, никогда не улыбались. Глаза - светлые, почти бесцветные, тёмные волосы убраны под простой плат, никаких украшений, никакой женской слабости. Только на поясе - чётки из тёмного дерева, которые она перебирала длинными сухими пальцами, медленно и размеренно. Словно отсчитывала минуты чужой жизни.

Взгляд её скользил по двору, по окнам, по кустам. Ни тени эмоции. Только терпение и расчёт. Девочка, сама не зная почему, затаила дыхание, когда этот взгляд задержался на окне.

- Выйди, - произнёс чужой, властный голос.

Тишина. Мать стояла на крыльце, не двигаясь. Лицо её побелело, но подбородок был вздёрнут. Потом голос матери - спокойный, почти ледяной ответил:

- Ты нашёл меня.

- Я долго искал. - сказал он. - Ты знала?

- Знала.- И не боялась?

- Боялась. Но не за себя.

Король спешил. Никто не помог ему - он и не нуждался в помощи. Он стянул перчатки - медленно, палец за пальцем, и, не глядя, сунул их за пояс. Затем сделал несколько шагов к крыльцу и остановился.

- Ты не изменилась, - произнёс он наконец. Голос был низким, глухим, словно шёл не из горла, а откуда-то глубже.

- Ты тоже, - ответила мать.

Он усмехнулся - коротко, одним уголком рта. Внутри у него всё кипело. Ярость, обида, старая, как шрам, любовь, которую он так и не смог выжечь. Но лицо оставалось спокойным - он научился этому за долгие годы власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.